

СТИХ В ПОСЛОВИЦЕ

А. Л. Жовтис

«Лад и склад» пословиц давно зафиксирован русской наукой в трудах Ф. И. Буслаева, В. И. Даля, И. И. Иллюстрова, П. И. Вознесенского, М. А. Рыбниковой, М. П. Штокмара, О. И. Федотова, С. Г. Лазутина и др. Стихотворная природа значительной части произведений, относимых к «малым» фольклорным жанрам, отмечена и исследователями за рубежом¹. Однако вопрос о системности этого стиха остается пока открытым.

Еще Ф. И. Буслаев в статье «Русские пословицы и поговорки» (1854) говорил о размере их, «определяемом ударениями»². Свои наблюдения он относил ко всей восточнославянской народной поэзии. В. И. Даль в предисловии к изданию «Пословицы русского народа» следующим образом охарактеризовал особенности пословиц: «Пословица большею частью является в мерном или складном виде: редко правильным или метрическим стихом, т. е. со счетом долгих и кратких слогов (т. е. ударных и безударных. — А. Ж.), потому что такой размер народному языку вообще чужд; еще реже, кажется, только случайно найдется размер силлабический, т. е. простой счет слогов, дело нам вовсе чуждое; но весьма часто в русском размере, в топическом, как несенном, с известным числом протяжных ударений в стихе, так и в сказочном, с рифмою или красным складом»³. Иначе говоря, Даль видит в пословичных изречениях два принципа организации текста: принцип акцентный и принцип райка. Позднее фольклористы не раз указывали на рифму и поддерживающую ее звуковую инструментовку. В другой связи речь шла о синтаксисе — о преобладании противительных союзов и избегании отяжеленных конструкций, причастных и дееприча-

¹ См.: *Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе. М., 1960, с. 384.

² *Буслаев Ф. И.* Русский быт и пословицы. — В кн.: Буслаев Ф. И. Русская народная поэзия. СПб., 1861, с. 132.

³ *Даль В. И.* Напутное. — В кн.: Пословицы русского народа / Сб. В. Даля. М., 1957, с. 23.

стных оборотов и т. д., наконец, о двух-, трех- и четырех-частном строении пословицы и некоторых других чертах. Л. А. Морозова отмечала интонационную симметрию частей, на которые распадается пословичное изречение, наличие в нем ритмического параллелизма, «совпадающего» с параллелизмом логическим и синтаксическим⁴. О многообразии и «сложности» ритма пословицы говорили В. П. Аникин и белорусский исследователь М. А. Янковский⁵. Признаки описывались не раз, но с точки зрения стиховой системности не оценивались.

В обстоятельной статье С. Г. Лазутина «Некоторые вопросы стихотворной формы русских пословиц»⁶ убедительно доказывается принадлежность «малого жанра» к лирическому роду поэзии. Отсюда следует, что повторы разного качества, присущие эмоционально окрашенной речи, возникают здесь совершенно естественно. Членение изречения на части очевидными паузами, описанное еще И. И. Вознесенским, предопределяет повторяемость интонации словесных компонентов. Наличие рифмы в одних случаях превращает его во фразовик-раешник, в других появляется «чисто тонический» стих. С. Г. Лазутин говорит о симметричном расположении ударений в отдельных частях текстов и делает отсюда вывод о существовании (наряду с другими формами) своеобразного стиха, который он называет «симметричным». Встречающиеся силлабо-тонические структуры автор считает разновидностью или дальнейшим развитием указанного приема.

Как нам кажется, все описанные факты могут получить иное, более убедительное объяснение, если рассматривать пословицу — синтетическое клише⁷ — с точки зрения общих законов стихотворного языка, генеральных принципов его организации. В истории изучения стиха как системы в ее отличии от системы прозаической речи условно могут быть

⁴ См.: Морозова Л. А. Художественные формы пословиц.— В кн.: Вопросы жанров русского фольклора. М., 1972.

⁵ См.: Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957; Янкоўскі М. А. Паэтыка беларускіх прыказак. Мінск, 1974.

⁶ См.: Лазутин С. Г. Некоторые вопросы стихотворной формы русских пословиц.— В кн.: Русский фольклор. XII. Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. Ряд положений этой работы предвосхищается в исследованиях: Вознесенский И. И. О складе и ритме и метре кратких изречений русского народа: пословиц, загадок, присказок и др. Кострома, 1908; Федотов О. И. Рифма и фольклор.— В кн.: Вопросы теории и истории литературы. Казань, 1971; Штокмар М. П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток.— Звезда Востока, 1965, № 11.

⁷ См.: Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1972.

означены три линии: Б. В. Томашевский (сущность стиха познается в анализе классических форм), Й. Грабака — З. Черны (с той же целью рассматриваются пограничные формы — верлибр XX в.) и Л. И. Тимофеева (изучается генезис литературного стиха)⁸. Малые фольклорные формы (пословица, загадка, прибаутка, детская «потешка») дают нам еще одну перспективу. В данной статье мы ограничимся, однако, лишь пословичным изречением.

Пословица, разрывая прямое движение монологической или диалогической речи, обычно не нарушает ее логического развертывания. В ней используется минимум словесного материала с целью концентрации в нем максимального содержания. Но ведь именно стихотворная речь дает творцу такую возможность, ибо к возможностям интегрирования словесных смыслов («микросодержаний») «по горизонтали» в стихах добавляется возможность «вертикального» их интегрирования, возникновения особых неграмматических связей между словами⁹. Богатство художественного содержания пословицы накапливается и создается в значительной мере именно благодаря тому, что и в ней применяются в этих целях средства стихотворного языка.

Условием возникновения и функционирования стиха является: 1) специфическое членение речи, 2) принцип повтора фонетических сущностей, благодаря реализации которого речь и становится двухмерной¹⁰.

Для постижения структурных особенностей малых фольклорных жанров важен момент их выделения в естественном потоке речи. Никакого сомнения в том, где начало, а где конец пословицы, не возникает. Она произносится как некая цитата, как нечто существующее вне ситуации, но приложимое к ней. Отсюда — резкое и всегда очевидное подчеркивание ее в речи. М. А. Янковский, автор работы о поэтике белорусских пословиц, справедливо пишет: «Интонация, паузы, эмоционально-логические ударения и ослабления расставлены в пословице как бы навечно. ...Пословичная интонация стремится дать каждому слову свою позицию, свою относительную автономию»¹¹. Такую установку зафиксированного в

⁸ См.: *Томашевский Б.* Русское стихосложение. Пг., 1923; *Он же.* Стих и язык. М., 1959; *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958; *Hrabák J.* Remarques sur les corrélations entre le vers et la prose... dans: *Poetics...* I. Warszawa, 1961; *Czermy Z.* Le vers libre français et art structural. Warszawa, 1961.

⁹ См.: *Жовтис А. Л.* Проблема свободного стиха и эволюция стиховых форм: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1975.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ *Янкоўскі М. А.* Указ. соч., с. 118.

народной памяти текста, разумеется, нельзя считать абсолютной. И все же ритмико-интонационная структура его поддерживается произносительной традицией. Характер произнесения как бы неотъемлем от текста, так же как межстиховая пауза, которая неотъемлема от исполнения или чтения «про себя» книжного стиха. Мы являемся носителями традиции произнесения пословицы в той же мере, в какой вообще являемся носителями языка.

Цельное и единое, завершенное грамматически и логически художественное произведение, — пословица членится, однако, на звенья, представляющие собой ритмико-интонационные единицы. Сам факт их существования и определяет первое (если не главное) условие возникновения стиха.

Каковы же средства делимитации текста в пословичном изречении и что следует считать субъединицами стихообразующих повторов?

Наиболее демонстративным средством членения в русских, английских, французских, казахских и прочих пословицах является рифма¹². Богатство и разнообразие рифменных созвучий в малых фольклорных жанрах не раз становились предметом внимания и изучения¹³. Можно сказать, что принципы рифмовки в них оказывали влияние, например, на технику литературного стиха и способствовали его обновлению. Е. Евтушенко прямо ссылаясь на этот источник, когда говорил о своих поисках второй половины 50-х годов. «Евтушенковская», «слогона начальная», или (в терминологии Ю. Минералова) «зеркальная», рифма известна в большом числе фольклорных образцов. В то же время нет, пожалуй, ни одной разновидности русской рифмы, классической или «модерной», которой не было бы в пословице, причем семантическая нагрузка компонентов рифмопары всегда очень велика.

Приведу ряд восточнославянских пословиц, наиболее очевидно иллюстрирующих существующие в них приемы делимитации текста (пословицы двухчастные).

---

¹² В этой статье мной не рассматривается вопрос об истории пословицы и своеобразии ее форм, различных по времени происхождения. Отмечу только вслед за Е. М. Мелетинским, что «рифма для первобытной поэзии не характерна, в ней ведущим началом является повторяемость не звуков, а смысловых комплексов (...) Сочетание повторения и варьирования приводит к семантико-синтаксическому параллелизму» (Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства. — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 157).

¹³ См.: Штокмар М. П. Указ. соч.; Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. М., 1973.

Русские. 1. «Черного кобеля // не отмоешь добела». 2. «Бей быка, // что не дает молока». 3. «Спекли про попа, // а съел кто попал». 4. «У всякого Павла // своя правда». 5. «Пришло в тупик, // что некуда ступить». 6. «Тужит Пахом, // да не знает по ком». 7. «Нет, в Моздок // я не ездук». 8. «Сердце не лукошко, // не прорежешь окошко». 9. «Те же кафтаны, // да не те карманы». 10. «У всякой пташки // свои замашки». 11. «Толкуй, Фетинья Саввишна, // про ботвинью давешню». 12. «Собором — // и черта поборем».

Белорусские. 1. «Як топiлся, // то і за брытву схопiлся». 2. «Які тут закон, // калі судзя знаком».

Украинские. 1. «Не вмер Данило — // болячка задавила». 2. «Оправ його хоч в рами, // а він все такий самий». 3. «Ось тобі, бабусю, наука, // не виходь, бабусю, за внука». 4. «Хоч ох, // та вдвох». 5. «Без нашего Гриця // вода не освятиться». И т. д.

Та же картина (очевидное на нескольких уровнях членения текста на звенья) и в пословицах других народов.

Подчеркну одно существенное для структуры жанра обстоятельство. Рифма есть средство неграмматического членения, однако почти всегда неграмматическое членение здесь совпадает с грамматическим. М. Г. Харлап подчеркивает, что фразовая интонация есть вообще основа народного стиха, не знающего переноса. «В этом, — пишет он, — существенное отличие народного стиха от литературного свободного стиха (верлибра)»¹⁴. Речь идет о былинной просодии, но наблюдение это справедливо и для пословиц, причем не только русских¹⁵. Грамматически автономные части их всегда образуют завершённое целое, замкнутое предложение.

Очевидно и синтагматическое членение пословиц («Черного кобеля не отмоешь добела»), но еще активней звенья противопоставляются одно другому с помощью противительного союза или с помощью обращения («например: «Толкуй, Фетинья Саввишна, про ботвинью давешню». Обратим попутно внимание на «дополнительную» рифму «Фетинья — ботвинью»).

Факт членения на два звена в приведенных выше примерах сомнения не вызывает.

В фольклоре восточных славян симметрия соотносенных

¹⁴ Харлап М. Г. Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки. — В кн.: Ранние формы искусства, с. 233.

¹⁵ См., например: Ахметов Э. А. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964; Хамраев М. К. Очерки теории тюркского стиха. Алма-Ата, 1969; Васильев Г. М. Якутское стихосложение. Якутск, 1965.

отрезков особенно отчетливо выявляется в трех- и четырехчастных пословицах. Например:

Русские пословицы. 1. «Пес космат — ему тепло, мужик богат — ему добро». 2. «На кукиш не купишь, а купишь — не облупишь». 3. «Вот тебе село да вотчина, чтоб тебя вело да корчило». 4. «Где забор — там и двор, где щель — там и постель». 5. «Сказывай тому, кто не знает Фому, а я брат ему».

Украинская. «Чекай, собачко, здохне конячка — матнеш м'ясо»... И т. д.

Как в двухчастных, так и в трех- и четырехчастных пословицах часто обнаруживается равноударность звеньев. В примере «Пес космат — ему тепло, мужик богат — ему добро» двухударный стих с перекрестной рифмовкой. В другом, из украинского фольклора, «Ось тобі, бабусю, наука, не виходь, бабусю, за внука» перед нами две строки девятисложника с тремя ударениями в ряду, с симметрично расположенными словеизделами. Стих может быть охарактеризован и как логад (два безударных, ударный, безударный, ударный, два безударных, ударный, безударный), в терминах С. Г. Лазутина — «симметричный». В других случаях сопоставленные звенья, которые становятся стихотворными рядами, обнаруживают силлабо-тоническую природу стиха, т. е. чистые ямбы, амфибрахии и т. д. «Як в млинні не молотиться, то у хаті колотиться» — в этой украинской пословице налицо двустопный анапест и точная рифма (с дактилической клаузулой). Наконец, в фольклоре тюркских народов часто встречаются звенья, соотношенные по слоговому составу (т. е. налицо силлабический принцип корреляции).

Безымянные творцы пословиц проявляли большую заботу о стиховой отделке текста. В известной пословице «Если бы да кабы во рту б росли грибы, и был бы не рот, а целый огород» ситуация противоречит жизненному опыту ее создателя: грибы не растут в огороде. Однако структура текста требовала рифменного завершения — и оно оказалось существенней, нежели небольшая логическая неувязка.

Мной были сопоставлены русские пословицы и их украинские аналоги. Оказалось, что у восточных славян в процессе заимствования (в данном случае несущественно, что является оригиналом, а что переводом) чаще всего сохраняется установка на созвучие (дается рифма или рифмонд). Ср.: русская пословица — «Коготок увяз — всей птичке пропасть», украинская — «Завяз пазурець — і птапці кінець»; русская — «Что написано пером, то (того) не вырубишь топором», украинская — «Що написано пером, того не виволочеш волом» и т. д. Согласимся с тем, что безымянный

переводчик выполнил свою задачу с неменьшим вниманием к форме произведения, чем это сделали бы Маршак или Тарковский.

Будучи весьма частым компонентом пословичной структуры, рифма все же не является *обязательной*. Она лишь один из приемов корреспондирования, сопоставления рядов в том «минн-стихе», каким является пословица. «В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки — куда уйти?» В последнем, пятом звене слово «уйти» лишь слабый ассонанс, а не рифма (к «крючки — сучки»), а в первом и втором «черви — черти» представляет собой созвучие, обычное и даже характерное для версификационной техники русских поэтов 60—70-х годов XX в. (А. Вознесенский, Р. Рождественский и др.). В других случаях наличие холостой строки на фоне и в противовес рифмованным также обращает на себя внимание. Например, в украинской пословице из четырех звеньев: «Не для пса // ковбаса, // не для кицьки // сало». Или в русской: «Благодаря Христа, // борода не пуста, // хоть три волоска, // да растопорщившись». Строка (звено) «Да растопорщившись» и по своей ритмической структуре, и по тому, что в ряду рифмованных рядов эта строка не рифмованная, оказывается выделенной. Другой случай: «Он не кот, // молока не пьет, // а от вища не прочь». Строка третья нерифмованная, по, как и предыдущая, двухударна.

В фольклоре тюркоязычных народов (у киргизов, казахов, уйгуров, татар) часты начальные созвучия в звеньях, всякого рода звуковые анафоры и эпифоры и т. д. Приведу несколько примеров¹⁶.

Уйгурские пословицы. 1. «Кум жагилса // таг болиду, // эл жигилса — баг болиду» («Песчинки соберутся — будет гора, парод соберется — будет сад»). 2. «Аш велсе — йегин, // иш келсе — // килгип» («Попадут еду — ешь, будет работа — делай»). 3. «Айрилганни // кар басар, // белунгени // боран басар» («Оторвавшегося снегом засыплет, отделившегося метель заметет»).

Казахские. 1. «Адам катасыз болмас, // кол бакасыз болмас» («Нет человека без ошибок, пет реки без лягушек»). 2. «Тугырына сангыган // сункар онбас, // уйірінен кангыган // тулпар онбас» («Нагадивший на насест сокол до хорошего не дойдет, отбившийся от косяка тулпар до хорошего не дойдет»).

¹⁶ Казахские и уйгурские пословицы приводятся в русской транскрипции.

Сложной звуковой вязью, с помощью которой соотносятся звенья, характеризуются и якутские пословицы¹⁷.

В. И. Даль отмечал, что и в русском фольклоре «рифма или простое созвучие» (автор имеет в виду аллитерации и ассонансы.— А. Ж.) не всегда бывает в конце стиха или каждой из двух (трех) частей пословицы¹⁸. Он приводит образцы, в которых на звуковом уровне, как мы бы сказали, соотношены не конечные слова, «части» ряда, а те, «кои среди стиха», но требуют «отклика». Интересно, что Даль употребил именно это слово — отклик, которым в наше время Дж. Лотц обозначает субъективную повтора в стихе¹⁹. Система корреспондирований, или откликов, и делает пословицу стихотворной речью.

Таким образом, в пословицах есть соотношенность рядов на уровне рифм, на уровне метра (тоники, силлабики, силлабо-тоники), в них соотносятся слоговые группы (вплоть до логаядического построения 2—3 и 4 звеньев) и словоразделы. В них широко используются изосинтаксические конструкции, *внешние* (по Брику), или вертикальные, аллитерационно-ассонансные связи, отчетливо определяемые синтагматическим членением внутривстрочные паузы, поддерживающие ритмико-интонационное сходство частей. Иначе говоря, в них налицо *повторы разных фонетических сущностей, первичные и вторичные стиховые признаки*.

Малый объем пословичного изречения создает существенное препятствие для описания используемой в нем стиховой системы. Исходить надо из того, что приметы стихотворного построения — варьирующие повторы фонетических сущностей характеризуют этот паремнологический вид в целом. Лишь небольшая часть пословичного фонда однозвенна (или одночастна) и, по-видимому, не может рассматриваться как стих.

Если понимать стихотворность как «результат взаимодействия ряда факторов, могущих в отдельных произведениях искусства выступать в иерархических зависимостях, но в целом придающих печать цельности, которая позволяет определить поэтическое высказывание как стих»²⁰, то «ряды факторов» в пословице наличествуют, а иерархические зависимости варьируются, т. е. в одном случае (в одном тексте) доминируют рифменные отношения, в другом — ком-

¹⁷ См.: Васильев Г. М. Указ. соч.

¹⁸ См.: Даль В. И. Указ. соч., с. 23.

¹⁹ Lotz J. Metrical typology.— In: Style in Language. N. Y.; L., 1960.

²⁰ См.: Sawicki S. Wokól opozycji: wiersz-proza.— In: Metryka słowi-
anska. Wrocław... 1971, s. 270.

попентами повтора становится равноударность, в третьем — равносложность, в четвертом — строка повторяет синтаксическое построение предыдущей (и тем самым определяется ритмико-интонационное сходство звеньев). Первичные и вторичные стиховые форманты корреспондируют по-разному, но сам факт такого корреспондирования очевиден. Следовательно, повторы эти *сущностны*.

Релевантность стихообразующих компонентов может быть показана на множестве примеров. Приведу еще один. Замена имен собственных, рифмующихся в данном тексте, сразу же уничтожает поговорку. «У нашего Андрюшки // ни полполушки, // возьмем да покрасим — // и выйдет Герасим»; «Марфуша, покушай, // Маккавей, поговей»²¹. Достаточно заменить имена, стоящие в рифме, любимыми другими именами, чтобы поговорка как «обиньяк» исчезла. Скажите «Нет, в Чернигов // я не ездук» — и обобщение исчезнет. Возникнет недоумение — почему собственно «в Чернигов»? В первом случае «Моздок — синоним «туда», «в названное тобою место», «в то скверное место, в которое ты меня посылаешь», и т. д. (Видимо, поговорка создана в период кавказских войн, т. е. в середине прошлого века.) Рифма сама (обиньяком, намеком) говорит об обобщении, т. е. дополнительное содержание накапливается «по вертикали».

Аналогичные операции по уничтожению субъективности повтора можно было бы провести и с другими поговорками, показав, какое значение в них имеет та сопоставленность рядов, о которой идет речь. Именно потому, что ряды в поговорках корреспондируют *на разных уровнях*, в дословном переводе весьма часто сохраняется параллелизм оригинала. Так, в дословном переводе корейской поговорки «Была бы власть, сторонники найдутся» отчетлива не только двухударность (автоматически протекающая из двухсловности звеньев), но и логико-грамматическая сопоставленность (вертикальная соотнесенность): «власть — сторонники», «быть — найтись». Та же установка на расчлененность обнаруживается во многих публикациях переведенных с разных языков поговорок в тех весьма обычных случаях, когда переводчики не ставили перед собой строгой задачи воспроизведения формы оригинала. Например: «Сидит — кошка, прыгнет — тигр»; «И приманка кончилась, и крючок сломался, и рыба ушла»; «Еще не пошел, а уже споткнулся»²².

²¹ Как говорит Ф. И. Буслаев, «поговорка перебрала все до одного имена собственные» (*Буслаев Ф. И. Указ. соч.*, с. 133).

²² Цит. по кн.: Индонезийские народные поговорки и поговорки/Пер. Л. Колосова. М., 1961.

Специфичны в пределах разных национальных словесных культур и средства стихообразования в пословицах. Так, в казахских пословицах чаще встречается редифная рифма, в монгольских — звуковая анафора и т. д.

Остается, подытоживая, ответить на поставленный в начале статьи вопрос о стиховой системе пословиц, а также сделать из всего сказанного еще один вывод, на этот раз практического характера.

В свете изложенного мнение о том, что «загадки, пословицы и поговорки слишком эмбриональные стихи, чтобы можно было различить в них конструктивную роль ритма»²³, не кажется обоснованным. Никак нельзя согласиться и с И. Н. Розановым, заметившим однажды, что «многие пословицы являются простейшей формой стихотворства»²⁴. В большинстве случаев строй их достаточно сложен. Все дело в том, что строки в пословице, как мы видели, соотнесены на разных уровнях, а рифменное корреспондирование, на которое чаще всего обращают внимание, поддержано повторами и других фонетических сущностей. Поэтому плотность мер повтора здесь достаточно велика для того, чтобы быть воспринятой. Пословица являет собой не эмбриональный стих (такое определение как бы подчеркивает неполноценность этого стиха), а стих неоднородный, сопоставимый со стихом современного верлибра, с его системностью, в которой средства связывания рядов используются для данного произведения или куска текста как бы на выбор²⁵. В этом принципиальное отличие просодии пословиц от былинного стиха или раенника («рифменного стиха» — в терминологии М. П. Штокмара) в русской народной поэзии, от силлабо-тонического в книжной литературе.

Безымянные создатели пословичных изречений, используя средства стихообразования задолго до верлибристов, не стремились к унификации средств, связывающих ряды, но применяли их на выбор. Степень «стиховности» в разных произведениях жанра различна — от структур, обнаруживающих свою силлабо-тоническую природу, до отдельных образцов — прозаических по своей сущности, т. е. таких, в которых на передний план выступают *нестихотворные* выразительные приемы.

²³ Федотов О. И. Указ. соч., с. 30.

²⁴ Розанов И. Н. Русское книжное стихотворство от начала письменности до Ломоносова. — В кн.: *Вирши*. М.; Л., 1935, с. 22.

²⁵ См.: *Жовтис А. Л.* Верлибры или верметры? — Лип. учеба, 1980, № 6.

Весь пословичный фонд следует рассматривать как один архитекст, организуемый в качестве неоднородного стиха, по-разному реализуемого в конкретных текстах. Система эта допускает и переход к прозаическому высказыванию.

Можно утверждать, что традиция, согласно которой с XVIII столетия наши фольклористы публикуют пословицы, не членя их на ряды (в отличие от загадок, которые Д. И. Садовников еще в 1876 г. представил как стих²⁶), сплошным текстом, есть результат ошибки, которая должна быть исправлена. Графически пословицы следует представить в стихотворной форме — в соответствии с осязательным их членением²⁷. Спорных случаев при этом будет совсем немного.

Если пословица — это «фраза, к которой касаешься, затаив дыхание, как к заряженному пистолету»²⁸, то этим она в значительной степени обязана своей стихотворности.

Необходимо продолжить изучение пословиц как двухмерных, стиховых по внутреннему своему заданию образований. Такое изучение должно дать новый материал для нашего понимания как природы стиха, так и природы паремических изречений в целом.

---

²⁶ См.: Загадки русского народа/Сост. Д. И. Садовников. М., 1959.

²⁷ Интересно, что непосредственную задачу воспроизведения стиховых структур оригинала ставил перед собой Н. Гребнев, составитель и переводчик книги «Караван премудрости: Народные изречения и пословицы Средней Азии» (М., 1968). Приведу два текста:

Рождаясь, человек
Плачет,
Свой доживая век,
Плачет.
(киргизская)

Как муравей ни мал,
А львицу докопал.
(таджикская)

Избежать переноса в своих переводах Н. Гребневу не удается.
²⁸ Ренар Ж. Дневник. М., 1965, с. 64.